

Разговор, который последовал за этим вопросом, определил следующие два года его жизни.

Он вышел из дома с поверхностным представлением о проклятиях, проклятых техниках, трех великих кланах, своей семье и своем месте в ней. Это также дало ему представление о том, почему его служанка так боялась, когда он входил в дом.

Его мать умерла, когда рожала его, а отец, посредственный колдун по меркам главы клана и довольно злобный человек, назвал его Джики за то, что его рождение привело к ее смерти. □ Следующие 4 года до пробуждения он провел под присмотром своей служанки Айко.

Черноволосая девушка практически растила его с рождения как собственного ребенка и боялась за выбор, который будет стоять перед ним как перед прямым потомком Митидзанэ Сугавары и членом клана Годжо.

Явное отсутствие интереса к нему со стороны главы клана после его решения изрядно уронило его положение в клане. Но он не был заинтересован в том, чтобы снова стать частью такой жизни. Этот мир был настолько близок к спокойствию, насколько он вообще мог себе представить, по сравнению с его прошлым. Он больше не видел причин стоять на переднем крае. Его старший двоюродный брат, несущий на себе груз додзюцу клана, раз в столетие появлявшихся на свет, и связанные с этим тяготы, навевали воспоминания о том времени, когда он сам был наследником клана.

Воспоминания, которые он предпочел бы оставить забытыми в том разбитом мире. □ Следующие два года он провел в библиотеке своего клана и узнал очень много нового об этом мире. Он предполагал, что Нации Элементов и эта Земля похожи, но, взглянув на карту мира, увидев войны, рассказанные истории и созданные союзы, он был уверен, что теперь ему не до Наций Элементов.

Легкий доступ к технологиям, который был у него, даже в его явно изоляционистском клане, был больше, чем когда-либо получали даже высшие головы в скрытых деревнях. □ Он тратил свои дни на обыденные вещи, пытаясь прожить жизнь, которой у него никогда не было.

От рисования по утрам с Айко до работы над письмом и каллиграфией в одиночестве в библиотеке среди товарищей по клану, которые практически не испытывали к нему любви. Тем не менее, его это не волновало. Любой другой ребенок жаждал бы внимания семьи, возможно, таков был план старого ублюдка, когда он все это затеял. Но только не Итачи. Он не заслуживал любви новой семьи. Не после того, как он зарубил свою последнюю ради мира. Не после того, что он сделал в АНБУ под прикрытием приказов командиров. □ Нет, Итачи не видел причин сблизиться с этой новой семьей, и дистанция, на которой держалось большинство из них, устраивала его и делала все еще лучше.

Единственным светом в его темном мире апатии, раздражения и ужасных воспоминаний была Айко. □ Там, где большинство членов клана отгораживались от него и шли дальше по жизни, Айко была еще ближе к нему. Его первой картиной была ее улыбка, когда она помогала купать его. И, как и все, в чем Итачи пробовал свои силы, она была настолько совершенной, насколько

это вообще возможно.

Темные ее волосы были закручены в пучок под белой тканью, пряди, сбегавшие по бокам, шевелились от мягкого раннего утреннего ветерка. Ее руки были покрыты пеной, когда она мыла его белые локоны, шепча ему сладкие нотации.

Сияние женщины, которая была счастлива и любила то, что делала, яркие улыбки, которые она показывала ему, только когда они были вместе. □ После его первой работы она взяла его и со слезами на глазах обняла так крепко, что сломала бы ему позвоночник, если бы продолжала это делать и дальше. На следующий день он проснулся с холстом, на котором лежали сверхгладкие, тонкие и грубые кисти, а сбоку красовалось красивое количество красок, любезно предоставленное самим главой клана. □

Он был в замешательстве и впервые за долгое время был вынужден пересмотреть мнение старика о себе.

Разве он не презирал его за желание жить обыденной жизнью? За смерть его дочери? Потребовалась его вторая картина, на которой были изображены бронзовые фигуры, которые он видел в особняке, чтобы на следующее утро исчезнуть с прохода, только чтобы снова появиться на дверях этого запретного дома, чтобы он осознал свою ошибку.

Он автоматически решил, что глава клана очень похож на старейшин клана Учиха, которые пытаются сформировать и вылепить из младших то, что им нужно. Которых больше заботили родословные, проклятые способности, статус и боевые навыки, чем то, что еще может предложить ребенок? Он знал, что большинство кланов такие, учитывая его вылазки в клановую библиотеку, но сейчас ему пришло в голову, что он даже не дал своему главе клана ни единого шанса.

Этот промах был проявлением его человечности. Как бы старейшины клана Учиха и Коноха ни старались сделать его идеальным, он таковым не был. Он был таким же человеком, как и все остальные. Эта мысль вызвала на его лице улыбку. Улыбку, которая через секунду сменилась яркой вспышкой: появилась его горничная с фотоаппаратом, как он понял.

Она одарила его еще более яркой улыбкой, чем он думал, что когда-либо мог обладать, прежде чем выскочить из мастерской. □ Спустя несколько дней он снова начал слышать шепот. Проклятые слова, которые принесли столько страданий в его прошлой жизни. Гений, вундеркинд. Боковые взгляды, которые он получал от членов своего клана, сменились с апатии на интерес.

Сколько пятилетних детей могли бы так легко воссоздать прекрасные образы и тонко детализированные произведения искусства, которые он создавал? В конце концов, он смог смириться с этим, так как, несмотря на схожесть слов, контекст был разным.

Здесь никто не восхвалял его гений за то, что он нашел идеальный угол, чтобы одним ударом перерезать человеку яремную и сонную артерии. Здесь его не называли вундеркиндом за то, что он научился модифицировать и рисовать взрывные метки на месте. Нет. Его хвалили за

мирское искусство рисования.

Его искусство обычно было висцеральным. Образы выжигались в его мозгу. Проклятие и благословение Шарингана, прошлая жизнь, наполненная достаточным количеством ужасов, чтобы сломить меньших людей. □ Ему выделили небольшое здание в комплексе, а сбоку от него - помещение, где он мог выставлять свои работы: от картин, изображающих залитые кровью прекрасные травы Кусагакуре, до увядающего тяжелого снега и вечной зимы Юкигакуре.

Он рисовал островные деревни из Нации Элементов, где солнце по какой-то причине всходило раз в два года.

К лиминальной и текучей природе различных царств вызова.

Бесконечные небеса и неизменные горы дома ястребов. В вечную тьму дома воронов и красноглазого матриарха-альбиноса, сидящего на мертвом дереве.

Если он и собирался вернуть что-то из своего проклятого происхождения, то это должна была быть красота тех мест, которые он видел за годы своих скитаний с Акацуки. □ Его годы обыденности и блаженства закончились из-за простого вопроса, который привел к будущему, которое он не мог просчитать или предусмотреть.

Непостоянный шанс, Судьба, ужасное везение? □ В возрасте шести лет, после долгого дня работы над каллиграфией, он поднял глаза на свою служанку, Айко-тян, и обратился к ней с просьбой, которая изменит ход его жизни, родившейся из воспоминаний о том, как мы с Саске в детстве прыгали из кафе в кафе во время праздников. - Я хочу пойти в кафе, - прошептал он своим мягким голосом. Айко-сан секунду смотрела на него, прежде чем мягко улыбнуться и согласиться. - Я посмотрю, что можно сделать, молодой мастер.

Неделю спустя он проснулся, выполнил свой обычный распорядок дня, и когда пришло время одеваться, вместо привычных юката, хакама и хаори он был одет в мешковатую черную рубашку с длинными рукавами и белые шорты, которые остановились перед коленями, а его волосы были завязаны в пучок сзади, из которого выбилось лишь несколько упрямых прядей.

Его ноги были обуты в черные слипоны, и он неуверенно смотрел на свою служанку. Она с улыбкой заметила его удивление и объявила ему: - Глава клана согласился на твою просьбу.

Он мягко кивнул, следуя за ней от дома к главным воротам их комплекса. К клану, в котором он провел последние два года.

Их встретил мужчина в черном костюме и мягко нахмурился, жестом пригласив их сесть в такую же черную машину. Сидя внутри, пока машина проезжала мимо изолированного кланового комплекса и въезжала в город, он понял причину своего переодевания. □ Ни один человек не был одет формально, как остальные члены клана, а такая одежда привлекла бы внимание так, что какая-то часть его, проведшая десятилетия в тени, поморщилась.

Когда они вышли и зашли в кафе, его голова вертелась на месте. Он смотрел на все и вся. Одно

дело - видеть картинки, и совсем другое - жить этим. Токио был легко в пять раз больше населен, чем любая скрытая деревня, о которой он знал. И это был всего лишь один город в стране, где их были десятки. Его осмотр достопримечательностей был прерван, когда он начал замечать их. Большинство из них были маленькими существами, похожими на мальформов, которые прилипали к каким-то конкретным людям. Вдвое больше лошади, кожа жуткого голубого цвета, четыре руки, которые вонзались в камень, как горячий нож в масло, и множество глаз, которые выстроились вдоль спины и, казалось, были сосредоточены на нем.

Оно наблюдало за тем, как они заходят в кафе, не двигаясь с места. Айко-сан, казалось, не замечала это существо, блаженно не обращая внимания на все, что было выставлено на витринах. От бойз-бэндов на рекламных щитах до одежды и прочего. Станный и тихий мужчина, одетый в черное, бросил на нее боковой взгляд, прежде чем повести их в кафе.

На пятом месте все изменилось.

Они несколько минут стояли в очереди, ожидая, пока им подадут странную вариацию данго, которая, как обещала Айко-тян, была просто райской. Их водитель и сопровождающий с четвертой остановки вертел головой с тяжелым хмурым взглядом и после короткого разговора с Айко отлучился. Именно эта перегруженность новым опытом заставила его ослабить бдительность и что-то пропустить мимо ушей.

Все началось со всплеска проклятой энергии, который, как он понял, раздался совсем рядом, а затем в шаге от него появилась синяя размытая фигура. Затем кто-то в черной одежде с широкими испуганными глазами шагнул к нему и толкнул его в бок, после чего исчез в тумане. Ему потребовалась секунда, чтобы осознать, что произошло. Его огромный интеллект не мог разобрать детали того, что казалось ему долей секунды.

Впервые в этой новой жизни он что-то почувствовал. Что-то, что разрушило его фасад апатии, когда он заметил густую текстуру свежепролитой крови, которая пропитала его белые волосы и забрызгала правую щеку. Он уставился на сломанную и неподвижную форму, которая лежала смятая и истекающая кровью на краю здания.

На полароидную фотографию, которая выскользнула из ткани, чтобы утонуть в кровавых разводах. На снимке был изображен беловолосый мальчик с мягкой улыбкой.

В прошлой жизни Итачи был зол. Злился на ситуацию, которая вынудила его расправиться со своим кланом. Злился на то, что был вынужден работать с одними из самых ужасных людей, которых он знал, и все ради своей деревни. Злился на путь, по которому он заставил идти свою маленькую отото.

Но он никогда не знал ненависти.

Однако в тот момент, когда он почувствовал ее, он понял, что это такое. В ней было что-то от чистоты. Когда разум, тело и душа сосредоточены на одной эмоции. Выровненные и синхронизированные.

Когда ты знал, что в этот момент ничто не может остановить тебя от завершения чего-то. □
Даже Ками спустится к тебе с мольбой на сложенных коленях, а ты все равно выполнишь задуманное.

Мир мог рухнуть и быть проклятым. Все тридцать миллионов душ в городе могли быть уничтожены в результате, а ты не чувствовал бы ничего, кроме желания завершить цель. Он впервые за две жизни познал ненависть. □ В нем словно прорвало плотину. Он чувствовал, как эта ненависть течет сквозь него, она звала его, как старый друг.

Ясность зрения, пришедшая вместе с этим чувством, выжгла в его вращающемся зрачке черно-белое изображение скомканной формы, которая разделилась и размножилась от одного до трех, а затем сложилась в другую форму в стремительной процессии, которую многие бы пропустили.

Он смотрел на проклятие, уставившееся на него множеством глаз, на руку, вытянутую, чтобы схватить его, и на кожу, расколовшуюся вертикально посередине лица, чтобы открыть плотоядную пасть. □ Не обращая внимания на крики и движения масс, он не обратил внимания на это вторжение в их мировоззрение.

Этот разрыв шаблона их жизни по сценарию. Он сказал одно слово, от которого у него перехватило горло. Слово, предложение, обещание, приказ, повеление, ради выполнения которого он ожидал, что мир перевернется.

С кровью, стекающей по его левому глазу, он сказал: "Умри".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/100738/3543212>